

УДК-323:352(470+571)

**«ГОРОД VERSUS РАЙОН» В КОНТЕКСТЕ ВЕРТИКАЛИ ВЛАСТИ:
ПОЛИЦЕНТРИЧНОСТЬ В ЛОКАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ**

*Э. Ю. Минаева*¹

В двухуровневой системе территориальной организации МСУ возникают ситуации, которые можно обозначить как «вложенная полицентричность», когда один властный центр (городское поселение) находится внутри другого (муниципального района). В условиях «вертикали власти» необходимо также учитывать роль «третьего центра» – региональной власти, которая, несомненно, является значимым игроком на поле локальной политики. В данной статье предлагается теоретическая модель, которая позволяет описывать и объяснять межэлитные взаимодействия под углом зрения «полицентричности». Исследование показало, что ключевыми факторами являются конфигурация центров / элит, характер конфликта между уровнями власти, а также степень взаимопроникновения центров.

Ключевые слова: местное самоуправление; локальные элиты; стратегии региональных властей; «вертикаль власти»; «вложенная полицентричность».

Двухуровневая система территориальной организации МСУ, введенная в 2003 г. с принятием Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (№131-ФЗ), создает возможность конфликта между муниципальными районами и входящими в их состав поселениями. Особенно это касается крупных городских поселений – промышленных центров, обладающих значительными ресурсами. Несмотря на то, что согласно №131-ФЗ городские поселения и муниципальные районы, как отдельные муниципальные образования, не являются субординированными и имеют раздельные полномочия, на практике их компетенции часто пересекаются, например, в сферах землепользования и градостроения. В результате возникает ситуация, обозначить которую можно как «вложенная полицентричность», когда один властный центр (городское поселение) находится внутри другого (муниципального района).

Сформировавшаяся в 2000-е гг. «властная вертикаль» [2], казалось бы, должна снимать проблему «полицентричности» (причем не только на местном уровне), однако, как показывают результаты исследований, ее не удается

---

¹ Минаева Элеонора Юрьевна – студентка кафедры политических наук Пермского государственного национального исследовательского университета. E-mail: minaevaeleonora@yandex.ru.

достроить до низших уровней системы публичной власти. Вариативность политических процессов на субрегиональном уровне остается весьма высокой, они характеризуются большим своеобразием и динамичностью, в том числе с точки зрения «конкурентности» центров и выбора ими различных стратегий взаимодействий [7]. В частности, региональные власти по-разному ведут себя на местном политическом поле, вмешиваясь с различной степенью интенсивности или не вмешиваясь вообще в локальные политико-управленческие процессы и взаимодействия различных элитных групп, которые нередко носят конфликтный характер [4].

В этой связи, во-первых, резонно задать вопрос, когда и как возникают конфликты в условиях «вложенной полицентричности» и какова их природа? Во-вторых, требуется объяснить, какую роль играют региональные власти в регулировании этих конфликтов и что определяет выбор ими тех или иных стратегий. В данной статье предлагается теоретическая модель, которая позволяет описывать и объяснять взаимодействия разных уровней власти под углом зрения «полицентричности» и искать ответы на поставленные вопросы.

«Вложенная полицентричность»: конфигурации центров / элит

Основой теоретической модели является концепция «центр – периферия», которая получила развитие в рамках сравнительных макрополитических исследований в широкой исторической перспективе. Объясняя различия в природе политических обществ, такие крупные исследователи, как Э. Шилз, С. Эйзенштадт, С. Роккан и др. [11; 13; 14] указывали на то, что в значительной мере они кроются в конфигурации властных центров и формате (интенсивности) их взаимодействия с периферией. Центр при этом понимается в двух смыслах. В первом смысле центр является метафорой и представляет собой легитимную для данного общества систему ценностей («центральная культурная система»). Во втором смысле («центральная институциональная система») властный центр – это властные институты, которые обеспечивают политическую организацию общества, его относительную целостность и самодостаточность относительно других. Периферия – та «область» политики, которая интегрируется центром.

Таким образом, в институциональном отношении «центр состоит из тех институтов (и ролей), которые осуществляют власть, будь то власть экономическая, правительственная, политическая, военная или культурная (в области религии, литературы, образования и т. д.)» [13, 348]. Вместе с тем, институты и роли не могут существовать сами по себе. Поэтому сторонники центр – периферийного подхода подчеркивают, что понятие институционального центра включает не только правительственные структуры, но и связанные с ними различные и нередко конкурирующие между собой на поле

этих структур элитные группы [16]. Таким образом, говоря о взаимодействиях центров различных уровней, необходимо понимать, что за этим скрываются действия разных элитных групп.

Развивая далее этот подход, Э. Шилз и его последователи отмечают, что наличие одного центра, господствующего над четко определенной периферией («моноцентричность») – лишь один из возможных вариантов, причем достаточно редкий¹. Значительно чаще наблюдается «полицентричность», когда властный центр по тем или иным причинам не желает или оказывается не способен полностью «пропитать» периферию, и в каких-то областях последней возникают иные (альтернативные) центры. Й. Фергюсон и Р. Мансбах определили такую конфигурацию нескольких властных центров, как «вложенные» политики – «феномен, при котором некоторые политики инкапсулированы другими и встроены в них» [15, 48]. Можно сказать, это такие общества, структура которых принимает вид «матрешки», когда каждая меньшая составная часть политики «входит» в большую и имеет при этом собственный центр².

Разумеется, в полном смысле концепция «центр – периферия» применима лишь к политическим процессам макроуровня. Однако если отвлечься от центральной культурной системы и сфокусироваться на институционально-элитном компоненте, данная концепция представляет собой удачную отправную точку для разработки теоретической модели, описывающей и объясняющей взаимодействия элитных групп в контексте дифференциации уровней публичной власти.

Двухуровневая модель территориальной организации МСУ не всегда означает полицентричность. О полицентричности можно говорить лишь в тех случаях, когда муниципальное образование условно «нижнего уровня» действительно представляет собой властный центр. В подавляющем большинстве случаев, однако, муниципальные образования типа поселений настолько ресурсно слабы, что реальными институциональными центрами их считать невозможно. Как правило, действительно властными центрами становятся крупные городские поселения, экономический потенциал которых делает их в достаточной степени ресурсообеспеченными. Такие города обычно являют-

---

¹ Эмпирическим референтом этого варианта является «национальное государство» (nation-state) как особый тип политий, характерный для эпохи Модерна. Здесь «существует центр, исключаящий все прочие центры и стремящийся взять на себя их функции. Другими словами, периферия в рассматриваемом типе общества испытывает более интенсивное, более непрерывное вмешательство со стороны центра... Центр господствует над периферией и пропитывает ее — во всяком случае, он стремится к этому и в известной степени добивается успеха» [13, 349–350].

² Й. Фергюсон и Р. Мансбах описали и другой вариант конфигурации – «наслаивающиеся друг на друга политики». Специфика конфигурации центров здесь такова, что ни один из них не является «главным».

ся одновременно административными центрами муниципальных районов. Именно к этим случаям применимо понятие «вложенной полицентричности», поскольку с институциональной точки зрения городской и районный уровни власти встроены в единую «вертикаль».

Применительно к Пермскому краю о «вложенной полицентричности» можно уверенно говорить в отношении таких городов, как Чайковский, Краснокамск и Чусовой. Некоторые другие случаи являются пограничными, например, Добрянка – промышленный, но небольшой в сравнении с уже названными город, к тому же конкурирующий с другим ресурсобеспеченным центром на территории собственного района (Полазной). Прежде к подобному типу относились Лысьва и Губаха, но в 2012 г. они были преобразованы в городские округа, таким образом исчезла многоуровневость¹.

Во взаимоотношениях двух центров (городского поселения и муниципального района) под углом зрения институционально-элитного компонента возможны два варианта:

1) властные центры контролируются одной и той же элитной группой. Это, однако, отнюдь не значит, что их взаимоотношения выстраиваются гармонично: поскольку институционально город и район представляют собой разные центры, между ними неизбежно возникают противоречия по поводу распределения полномочий и ресурсов, контроля над теми или иными секторами периферии и т.п. Такого рода конфликты можно определить как «административно-управленческие»;

2) властные центры контролируются разными элитными группами. В этом случае следует говорить о «межэлитных конфликтах». Такого рода конфронтация по определению представляет собой более острый, нежели «административно-управленческий» тип конфликта.

Кроме того, концепция полицентричности позволяет учесть и роль «третьего центра» – региональной власти, которая, несомненно, является значимым игроком на поле локальной политики, особенно в контексте властной вертикали. Стратегии региональной власти в отношении субрегиональных центров ограничиваются несколькими вариантами:

- пассивность (невмешательство);
- активная медиация (посредничество с целью примирения двух центров);
- активная поддержка одного из локальных центров против другого;
- активное вмешательство, направленное против обоих центров («стратегия против всех»).

---

¹ В Чайковском, Краснокамске, Чусовом также активно обсуждаются проекты по преобразованию муниципальных районов в городские округа. Тот факт, что такие проекты возникают именно в тех случаях, которые соответствуют «вложенной полицентричности», очевидно, не случаен.

Добавляя третий центр (региональную власть) в теоретическую модель, мы получаем более сложный набор возможных конфигураций центров / элит, что позволяет анализировать не только взаимоотношения отдельных центров, но и стратегии регионального центра по отношению к локальным. Четыре возможных варианта конфигураций представлены на рис. 1, где прописными буквами А, В, С обозначены властные центры соответствующего уровня (региональный, муниципальный район и городское поселение), а строчными буквами (а, b, с) – элитные группы.

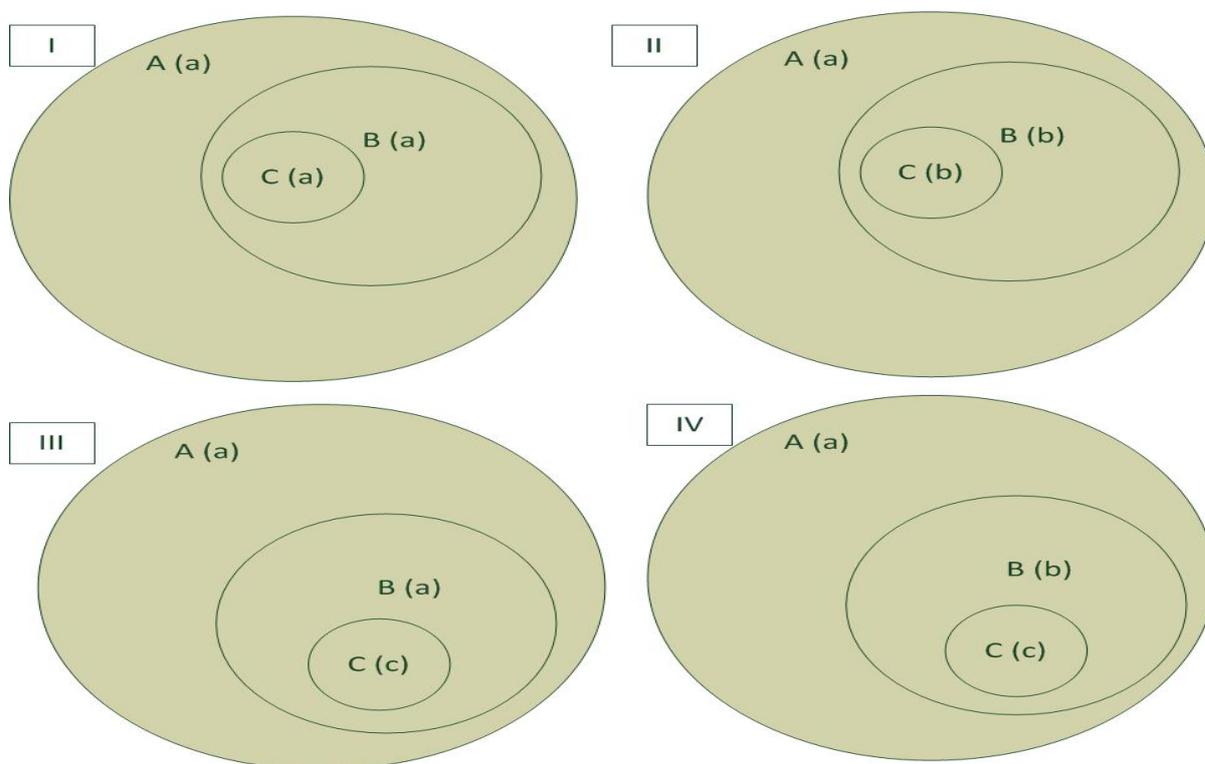

Рис. 1. Конфигурации центров /элит

I. Аа – Ва – Са: субэлиты (субцентры) контролируются главным центром и позиционируют себя как часть одной с ним элитной группы, играющую собственную роль «на местах», но имеющую меньшие в сравнении с региональной элитой ресурсы и полномочия. Такая конфигурация акторов в наибольшей степени соотносится с властной вертикалью, в рамках которой возникающие во взаимодействии элит противоречия будут носить административно-управленческий характер. В этих условиях возможны два варианта стратегий регионального центра: 1) пассивность; 2) активная медиация. Можно предположить, что выбор между ними зависит от формата взаимодействия (стратегий) субцентров по отношению друг к другу. Если городская и районная власти склонны к компромиссу, в их политико-управленческие

разбирательства краевой центр вмешиваться, скорее всего, не будет. Если же межуровневый конфликт станет затяжным или локальные акторы будут не в состоянии самостоятельно договориться, региональный центр, как рациональный заинтересованный актор, выступит в качестве «медиатора-примирителя» противоборствующих сторон.

II. Aa – Bb – Cb: субэлиты (субцентры) принадлежат к одной муниципальной элитной группе, отличной от элитной группы, под контролем которой находится региональный центр власти. В этом случае региональный центр представляется как «чужой» для локальной элитной группы, контролирующей оба властных центра. Соответственно, в отношениях между властными центрами муниципального района и города возможны административно-управленческие противоречия (конфликты), в которые региональный центр, скорее всего, вмешиваться не будет (стратегия пассивности). При благоприятных условиях, однако, краевые власти могут занять и активную позицию «против всех», чтобы, вмешавшись в конфликт, ослабить «чужие» элитные группы и, тем самым, усилить те группировки, которые занимают про-региональную позицию (как правило, такие группы присутствуют в локальных элитах).

III. Aa – Ba – Cc (или Aa – Bb – Ca): один из субрегиональных центров контролируется региональным центром, а другой находится под контролем иной (локальной) элитной группы. Соответственно, конфликт между ними будет носить межэлитный характер, а рациональной стратегией регионального центра будет поддержка «своей» элитной группы.

IV. Aa – Bb – Cc: каждый из трех центров находится под контролем разных элитных групп, и их взаимоотношения характеризуются межэлитными конфликтами. В этих условиях, как и во второй конфигурации, региональный центр может либо остаться в стороне (пассивность), либо активно вмешаться в конфликт, играя против обоих локальных центров с целью усиления своих позиций в муниципалитетах.

Таким образом, моделирование конфигурации центров / элит позволяет формулировать гипотезы относительно того, каким образом региональный центр ведет себя по отношению к субрегиональным в условиях различных моделей соотношения субрегиональных центров / элит. Рассмотрим как работает эта теоретическая модель на примере тех случаев муниципалитетов Пермского края, в которых «вложенная полицентричность» присутствует наиболее явно.

Чайковский: неуступчивые локальные элиты

Город Чайковский – крупный, как с точки зрения численности населения (здесь проживает порядка 83 тыс. чел.), так и по экономическим (в том числе промышленным) показателям центр. С учетом удаленности от краевой

столицы и приграничного положения г. Чайковский представляет для регионального центра устойчивый интерес. Однако на протяжении рассматриваемого периода (с начала 2000-х гг.) конфигурации краевого, районного и городского центров несколько раз менялись, изменялся и выбор региональной властью стратегий взаимодействий с субрегиональными центрами.

В г. Чайковском отношения между двумя уровнями власти долгое время оставались напряженными. В 2003 г. главой Чайковского муниципального района стал бывший исполнительный директор компании «Чайковский текстиль» Н. Заикин. Поддерживаемый губернатором О. Чиркуновым, Заикин обошел своего основного конкурента – заместителя генерального директора ОАО «Уралоргсинтез» Ю. Вострикова. Однако на выборах мэра Чайковского в 2005 г. Востриков избрался главой, после чего между двумя администрациями началось межэлитное противостояние, в частности, по вопросу о передаче полномочий с районного уровня на городской. Администрация губернатора оказывала постоянную поддержку Заикину. Более того, летом 2009 г. губернатор инициировал отставку Вострикова, который незадолго до этого сумел переизбраться на выборах главы города. Таким образом, на протяжении четырех лет (с 2005 по 2009 гг.) конфигурация центров выстраивалась по типу III (Aa – Ba – Cc). В связи этим «естественной» стратегией поведения губернатора была поддержка одного из акторов (в данном случае, главы района) в борьбе против другого (главы города).

В 2009 г. ситуация, однако, изменилась. Еще до отставки Вострикова Заикин, несмотря на поддержку губернатора [1], проиграл выборы главы Чайковского района пенсионеру МВД С. Пластину, а на досрочных выборах главы города в декабре 2009 г. И. Колесникова, исполнявшая при поддержке региональных властей обязанности мэра после отставки Вострикова, проиграла главе южного отделения Роспотребнадзора по Пермскому краю И. Андрееву. Таким образом, теперь в субрегиональных центрах у власти оказались разные элитные группы, причем не контролируемые регионом (модель IV: Aa – Bb – Cc). Хотя конфликты между городским и районным центрами не выливались в открытое межэлитное противостояние, на каждом из уровней власти ситуация была неустойчивой, в частности, глава района Пластинин не имел устойчивой поддержки у депутатов местной legislatury. Возникшая политическая и социальная напряженность была использована краевыми властями как повод для вмешательства, когда сменивший на посту губернатора Чиркунова В. Басаргин «порекомендовал» обоим руководителям покинуть занимаемые ими посты. Правда, «совету» последовал только Пластинин, Андриив проработал еще год до конца срока полномочий. Таким образом, сложившаяся в период с 2009 по 2013 гг. конфигурация центров / элит объясняет выбор региональным центром в конфликтной ситуации стратегии «против всех».

В 2014 г. в результате досрочных выборов главы района и очередных – главы города расклад сил в Чайковском снова изменился. На выборах главы района, где краевой центр занял нейтральную позицию, не оказывая явной поддержки ни одному из кандидатов [6], победу одержал бывший «опальный» градоначальник Ю. Востриков, а в сентябре того же года он сумел продвинуть своего кандидата – А. Третьякова – на пост мэра Чайковского. В итоге конфигурация центров выстроилась по модели II (Aa – Bb – Cb). Вместе с тем, в ходе реализации проекта реформы МСУ между районным и городским уровнем возникли острые административно-управленческие противоречия [5]. В частности, это привело к провалу референдума по созданию городского округа. Региональный центр, хотя и высказал недовольство, пока не вмешивается открыто в этот конфликт, однако с учетом сложившейся конфигурации элит в дальнейшем он может выбрать стратегию активного вмешательства против всех.

Чусовой: стабильная нестабильность

Чусовой представляет собой старый монопрофильный по экономическому укладу город, единственным крупным промышленным предприятием которого является Чусовской металлургический завод. Институциональная полицентричность в г. Чусовом возникла в 2005 г., когда в ходе реализации №131-ФЗ были созданы Чусовской муниципальный район и городское поселение. Тем не менее, главный и достаточно самостоятельный относительно региональной власти актор (руководство завода) активно вмешивается в политико-управленческие процессы и города, и района, что во многом предопределяет степень конфликтности и стратегии взаимодействий элитных групп различных уровней.

Сначала в сентябре 2005 г. на выборах главы города победил зампреда профкома ЧМЗ В. Андреев, затем в октябре главой Чусовского района стал начальник рессорного производства ЧМЗ Н. Симаков [12]. В результате конфигурация центров выстроилась по типу II (Aa – Bb – Cb). Поскольку противоречия между районным и городским центрами при таком раскладе сил не выходили за рамки административно-управленческих, региональный центр не вмешивался в местную политику.

Описанная конфигурация центров / элит сохранялась вплоть до 2008 г., пока главой города не стал В. Бурьянов. Будучи выходцем из старой железнодорожной элиты, Бурьянов возглавлял г. Чусовой еще до реформы с 1996 по 2005 гг. и имел постоянные конфликты с руководством завода. В этом смысле новую ситуацию можно описать как соответствующую типу IV (Aa – Bb – Cc), но с существенной оговоркой, что по Уставу города Бурьянов был лишь председателем городской думы, а главой администрации (сити-менеджером) являлся бывший заместитель генерального директора ЧМЗ А.

Жвакин (что, однако, не предопределяло его аффилированность заводу). Между Бурьяновым и Симаковым отношения были достаточно непростыми, и в этой сложной конфигурации региональный центр, как и прежде, занимал довольно пассивную позицию.

Выборы главы района в 2011 г. показали неустойчивость существующих коалиций. В. Бурьянов шел на выборы при поддержке ЧМЗ, с которым у Симакова к тому времени возник конфликт, однако не сумел одержать победу, в результате чего Симаков остался во главе района. Бурьянов тем временем сохранял должность главы города до выборов 2013 г., в которых он не стал участвовать. По итогам выборов пост главы города занял ставленник ЧМЗ, генеральный директор ООО ПФК «Тандем» С. Белов [3]. Помимо администрации города, завод контролирует городскую думу и районное земское собрание. Тем не менее, главу района Симакова нельзя считать представителем заводской группировки, так что последняя далеко не в полной мере монополизировала муниципальный уровень власти.

Краснокамск: на пути к властной вертикали

Краснокамск – крупный промышленный центр с многоукладной экономикой, для которого всегда была характерна сложная структура местных элит. Близость к краевой столице предопределяет стремление региональных властей контролировать политико-управленческие процессы на территории города и района. С момента образования Краснокамского муниципального района в 2006 г. и появления двух субрегиональных уровней власти их взаимоотношения характеризуются периодическими межэлитными конфликтами.

В первой половине 2000-х гг. Краснокамск входил в сферу борьбы между депутатами областного Законодательного собрания А. Чернова и Р. Разутдинова [10]. В результате на выборах районного главы в сентябре 2004 г. победу одержал «ставленник» А. Чернова, бывший директор научно-производственного предприятия ООО «Пермгеофизика» В. Жуков. На выборах мэра города в октябре 2005 г. победил поддержанный Р. Разутдиновым представитель Камского ЦБК и бывший офицер ФСБ Ю. Чечеткин. Вместе с тем, стратегии субрегиональных элит в их взаимодействиях носили компромиссный характер, поэтому острых межэлитных конфликтов на протяжении исполнения главами своих должностных обязанностей не возникало, не вмешивались в «повседневные» взаимодействия субрегиональных центров и краевые власти. Конфигурация центров, таким образом, была ближе к типу IV (Aa – Bb – Cc); при этом, несмотря на поддержку отдельными фигурами региональной власти субрегиональных акторов, стратегия краевого центра характеризовалась невмешательством в локальные политические процессы.

На новых выборах главы города в 2008 г. В. Жуков попытался «продвинуть» своего заместителя по социальным вопросам Е. Щеткина, однако

Ю. Чечеткину удалось переизбраться на второй срок. Тем не менее, он не смог обеспечить лояльность нового состава депутатов городской думы, выборы которой проходили одновременно. В следующем году состоялись выборы главы района, в которых В. Жуков не стал принимать участие, и по итогам избирательной кампании победу одержал бизнесмен Д. Маркелов. Несмотря на то, что Д. Маркелова, как и некогда Ю. Чечеткина, на выборах поддерживал Р. Разутдинов [9], городской и районный властные центры вновь оказались под контролем разных элитных групп, и хотя конфликты между ними продолжались, например, по такой актуальной для г. Краснокамска проблеме как источник водоснабжения [8], региональный центр по-прежнему занимал достаточно пассивную позицию.

Ситуация принципиально изменилась после того, как Д. Маркелов был обвинен в получении взятки и отстранен от должности главы муниципалитета, после чего в 2012 г. были назначены досрочные выборы главы района. Региональные власти предприняли серьезные усилия для того, чтобы взять руководство муниципалитета под контроль, не допустив до участия в выборах представителей локальных элит Н. Белослудцеву (исполняла обязанности главы после отставки Д. Маркелова) и Ю. Чечеткина. В этих условиях им удалось обеспечить победу своему кандидату Ю. Крестьянникову. Конфликты между районным и городским центрами власти, разумеется, продолжались, но теперь конфигурация центров / элит изменилась (модель III: Aa – Ba – Cc), и региональная власть активно поддерживала руководство района. Используя сложную и неустойчивую структуру краснокамской локальной элиты, наличие в ней различных группировок, вступающих в кратковременные коалиции, региональные власти добились, что оппозиционная главе города дума отправила в августе 2015 г. Ю. Чечеткина в отставку. Поскольку прямые выборы глав муниципалитетов в Пермском крае отменены, новый глава будет рекрутироваться по итогам конкурса, который состоится в 2016 г. Нетрудно предположить, что региональная власть будет активно продвигать собственного кандидата. В случае успеха в г. Краснокамске возникнет конфигурация типа I (Aa – Ba – Ca).

* * *

Таким образом, анализ нескольких эмпирических случаев демонстрирует, что модель «вложенной полицентричности» имеет достаточно высокую объяснительную силу. Все четыре возможных конфигурации обнаруживаются в рассмотренных случаях (первая – как наиболее вероятная перспектива развития событий в г. Краснокамске), и стратегии регионального центра в отношении субрегиональных, в целом, соответствуют ожиданиям, вытекающим из конфигураций центров / элит. Конфигурация центров / элит в двух случаях из трех оказывается весьма динамичной. В г. Чайковском имел место

переход от третьей модели к четвертой, а затем ко второй. Иначе говоря, несмотря на все усилия, региональная власть никак не может получить контроль над муниципалитетами. В г. Краснокамске, напротив, движение шло в сторону «властной вертикали»: от четвертой модели к третьей и затем (в перспективе) к первой. Особый случай – г. Чусовой, где на протяжении всего десятилетия ключевым актором локальной политики было градообразующее предприятие. Хотя в полной мере стремление «заводской» элитной группы к контролю над обоими муниципалитетами не было реализовано ни разу в силу противодействия со стороны других групп, наличие этого доминирующего актора не создает для регионального центра стимула напрямую вмешиваться в локальную политику.

Вместе с тем, нельзя не заметить, что практически каждая из моделей конфигурации центров / элит допускает вариативность в стратегиях регионального центра по отношению к субрегиональным. Если, например, субрегиональные центры контролируются локальными элитными группами, региональный центр в одних случаях ведет себя пассивно, а в других – напротив, начинает активную игру против местных элит. Это позволяет сделать вывод, что наряду с конфигурацией центров / элит теоретическая модель должна включать несколько дополнительных факторов.

Во-первых, существенное значение имеет характер и острота конфликта между субрегиональными центрами и, соответственно, стратегии противоборствующих субрегиональных элитных групп (компромисс *versus* конфронтация).

Во-вторых, необходимо учитывать институциональную организацию власти в муниципалитете, поскольку в некоторых случаях разные органы власти муниципального образования могут быть под контролем различных элитных групп.

В-третьих, ключевое значение имеет такой фактор, как степень взаимопроникновения центров. Поскольку речь идет о «вложенной полицентричности», одна и та же элитная группа стремится занимать властные позиции одновременно в городском, и в районном муниципалитете. Следовательно, даже если разные центры контролируются разными элитными группами, каждая из них может иметь более или менее сильные позиции и в тех центрах, которые находятся под контролем оппонентов. Так, например, глава города может иметь «своих» депутатов в районном земском собрании, и наоборот. Очевидно, степень взаимопроникновения весьма существенно влияет на выбор элитными группами стратегии взаимодействия в условиях неизбежно возникающих конфликтов.

Наконец, исследование показывает, что структура межэлитных отношений на локальном уровне чрезвычайно динамична и подвижна. Зачастую локальные акторы действуют под влиянием текущей ситуации, вследствие чего элитные группы, а тем более межэлитные коалиции оказываются неус-

тойчивыми, и это необходимо учитывать при определении конфигурации центров / элит.

Библиографический список

1. *Водопьянов В.* Южный выбор. Глава Чайковского района получил поддержку губернатора // *Коммерсантъ* (Пермь). 2009. 15 янв. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1102720> (дата обращения: 11.01.2016).
2. *Гельман В.Я.* Возвращение Левиафана? Политика рецентрализации в современной России // *Полис. Политические исследования*. 2006. № 2.
3. *Ильин С.* Чусовская «Санта-Барбара» // *Новый компаньон* (Пермь). 2013. 7 авг. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.newsko.ru/news/politics/opinions/07/08/2013/chusovskaya-santa-barbara.html> (дата обращения: 14.03.2015).
4. *Ледяев В.Г., Чирикова А.Е.* Губернатор и его команда в пространстве городской политики малых российских городов // *Вестник Пермского университета. Серия Политология*. 2013. № 1. С. 4–25.
5. *Никитин Д.* Взаимное поглощение сторон. Мэр Чайковского и глава района по-разному понимают объединительные процессы // *Коммерсантъ* (Пермь). 2015. 16 июля. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2768764> (дата обращения: 12.01.2016).
6. *Осенью повторим* // *Business-Class*. 2014. 27 янв. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.business-class.ru/news/2014/01/27/80808> (дата обращения: 12.01.2016).
7. *Панов П.В.* Стратегии региональных властей на выборах глав муниципальных образований в Пермском крае // *Вестник Пермского университета. Серия Политология*. Пермь. 2014. № 4. С. 5–15.
8. *Пастухова Е.* Губернатор их рассудит? // *Новый компаньон*. 2010. 10 марта. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.newsko.ru/articles/nk-414778.html> (дата обращения: 13.01.2016).
9. *Пастухова Е.* Ставка на кланы // *Новый компаньон*. 2010. 18 янв. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.newsko.ru/articles/nk-412768.html> (дата обращения: 16.01.2016).
10. *По долинам и по взгорьям – 1* // *Business-class*. 2006. 20 февр. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.business-class.ru/news/2006/02/20/59139> (дата обращения: 13.04.2015).
11. *Роккан С.* Центр-периферийная полярность // *Политическая наука*. 2006. №4. С. 73–101.
12. *Чусовские промышленники преодолели местный «административный ресурс»* // *Новый компаньон*. 2005. 25 окт. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.newsko.ru/articles/nk-321078.html> (дата обращения: 13.01.2016).

13. Шулз Э. Общество и общества: макросоциологический подход // Американская социология: Перспективы, проблемы, методы. М.: Прогресс, 1972. С. 341–378.
14. Eisenstadt S. Comparative Civilizations and Multiple Modernities. Leiden; Boston: Brill, 2003.
15. Ferguson Y., Mansbach R. Politics: Authority, Identities, and Change. Columbia, S.C.: University of South Carolina Press, 1996. P. 48.
16. Greenfeld L., Martin M. Center. Ideas and Institutions. Chicago, 1988.

**«URBAN SETTLEMENT VERSUS MUNICIPAL DISTRICT» IN THE
CONTEXT OF VERTICAL POWER STRUCTURE: POLYCENTRICITY
IN LOCAL POLITICS**

E.Yu. Minaeva

Student, Political Science Program, Perm State University

In the two-level system of local government situations occur that can be identified as ‘nested polycentricity’, when one power center (urban settlement) is located inside the other (municipal district). In the context of ‘vertical power structure’, the role of the third power center – regional authorities – is to be also taken into account. The article suggests a theoretical model that allows for describing and explaining inter-elite interactions in the aspect of polycentricity. The study demonstrates that the main factors are the configuration of centers / elites, the character of a conflict between tiers of authority, as well as a degree to which centers penetrate into each other.

Keywords: local government; local elites; strategies of regional authorities; vertical power structure; ‘nested polycentricity’.

References:

1. Vodopyanov V. South choice. Head of Tchaikovsky district received the governor’s support. *Kommersant (Perm)*. 2009. 15 January. Available at: <http://www.kommersant.ru/doc/1102720>. (In Rus.).
2. Gelman V.Ya. The Return of Leviathan? Re-centralization policy in modern Russia. *Polis*. 2006. Iss. 2. (In Rus.).
3. Il’in S. "Santa-Barbara" of Chusovoy. *New Companion (Perm)*. 2013. 7 August. Available at: <http://www.newsko.ru/news/politics/opinions/07/08/2013/chusovskaya-santa-barbara.html>. (In Rus.).

4. *Ledyaev V.G. Chirikova A.E.* The governor and his team in the space of urban policy of Russian towns. *Perm University Herald. Political Science*. 2013. Iss. 1. P. 4–25. (In Rus.).
5. *Nikitin D.* Mutual absorption of the parties. Mayor of Tchaikovsky and head of the municipal district have different views on unification processes. *Kommer-sant (Perm)*. 2015. 16 July. Available at: <http://www.kommersant.ru/doc/2768764> (In Rus.).
6. We'll repeat in autumn. *Business-Class*. 2014. 27 January. Available at: <http://www.business-class.ru/news/2014/01/27/80808>. (In Rus.).
7. *Panov P.V.* Strategies of regional authorities at the elections of municipalities' heads in Perm Krai. *Perm University Herald. Political Science*. 2014. Iss.4. P. 5–15. (In Rus.).
8. *Pastukhova E.* Will the governor judge them? *New companion*. 2010. 10 March. Available at: <http://www.newsko.ru/articles/nk-414778.html>. (In Rus.).
9. *Pastukhova E.* The rate on clans. *New companion*. 2010. 18 January. Available at: <http://www.newsko.ru/articles/nk-412768.html>. (In Rus.).
10. Through valleys and over hills – 1. *Business-class*. 2006. 20 February. Available at: <http://www.business-class.ru/news/2006/02/20/59139>. (In Rus.).
11. *Rokkan S.* The center-periphery polarity. *Political science*. 2006. Iss.4. P. 73–101. (In Rus.).
12. Industrialists of Chusovoy overcame the local "administrative resource". *New companion*. 2005. 25 October. Available at: <http://www.newsko.ru/articles/nk-321078.html>. (In Rus.).
13. *Shils E.* Society and societies: macrosociological approach. *The American Sociology: Prospects, problems, methods*. M.: Progress Publ., 1972. P. 341–378. (In Rus.).
14. *Eisenstadt S.* *Comparative Civilizations and Multiple Modernities*. Leiden; Boston: Brill Publ., 2003. (In English).
15. *Ferguson Y., Mansbach R.* *Polities: Authority, Identities, and Change*. Columbia, S.C.: University of South Carolina Press, 1996. P.48. (In English).
16. *Greenfeld L., Martin M.* Center. *Ideas and Institutions*. Chicago, 1988. (In English).